

Русская народная сказка «Морока»

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил царю верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир; сел за стол и потребовал себе и вина, и закусок: ест, пьет, прохлаждается! Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то другого спрашивает.

- Послушай, служба, - говорит ему половой, - забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?

- Эх, братец, о деньгах, что ли, сомневаешься? Да у меня денег куры не клюют.

Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит:

- На, получай!

Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему:

- Что там за сдача, братец! Возьми себе на водку. На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит половому на водку. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сомнение: "Что бы это значило? Матросишка - так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!.. Жалованье мне ихнее известно, небось - не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; не ровен час - еще в такую беду попадешь, что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь".

Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот довел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса.

- Признавайся, - говорит, - по совести, отколько золото брал?

- Да этого золота во всякой помойной яме много!

- Что ты врешь?

- Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик; пусть покажет он то золото, что от меня получил.

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек.

- Как же, братец; ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?

- Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит... Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула; все выше да выше, уж под горло подступает.

- Господи! Что же теперь делать? Куда деваться? — спрашивает с испугу генерал. А матрос в ответ:

- Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу.

Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не видать; а вода прибывает да прибывает.

- Ну, братец, - говорит генерал, - верно, и нам с тобой не уцелеть!

- Не знаю; что будет - то будет!

"Смерть моя приходит!"- думает генерал, стоит сам не свой да богу молится.

Вдруг откуда не взялся - плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте.

- Ваше превосходительство, - говорит матрос, - садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет.

Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро - куда только она делась? Кругом сухо стадо; вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство; народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит:

- Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего - домой не воротишься.

- Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен; а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею.

- Ничего, я такую работу найду, что и уменя не надо. Побрели в деревню и стали в пастухи наниматься; общество согласилось и порядило их на целое лето: матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпаска. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того собрали с мужиков деньги и стали делиться.

Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит:

- Что ж ты меня с собою равняешь? Ведь я - генерал, а ты - все-таки простой матрос!

- Как бы не так! Мне бы разделить па трою: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы - подпаском.

Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился, крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок:

- Очнитесь, ваше превосходительство!

Генерал очнулся, смотрит - все по-старому; как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался
